

— Вы считаете, что у нас вас любят больше, чем в Литве?

— Ну, в России я чаще снимался, и значит, здесь у меня больше поклонников. И потом я всегда старался быть независимым. К вам могу приехать как гость, меня уважают и прекрасно принимают. И я благодарен российскому народу за такое внимание. Мы разошлись политически, но сохранили прекрасные культурные связи.

— И это, конечно, отразилось на юбилее?

— Ельцин вручил мне орден Дружбы народов. Поздравляли в Твери на фестивале "Созвездие", на "Киношоке" в Анапе, в Петербурге. В Литве меня наградили почетным орденом имени Гедиминаса. Причем получил я его сейчас, несмотря на все перемены. Меня поздравили в Паневежском театре, а в Вильнюсе устроили ретроспективу фильмов с моим участием, показали пять картин, и все. В России праздников в мою честь было больше. В Литве я себя ощущаю по-другому. Я немножко не "их" человек.

— То есть?

— Я из прошлого. Не имею ничего против сегодняшнего режима, но ничего и за. Держусь в стороне.

Платить за это приходится?

— Как сказать. Был такой эпизод. 12 человек — членов комиссии Министерства культуры и литовского парламента — обсуждали, кто из наших знаменитых людей достоин получить государственную пенсию. Среди этих кандидатур был я. И вот идет оживленная дискуссия, и вдруг одна актриса — называть ее не буду — говорит про меня: "Нельзя ему давать пенсию, он бывший коммунист и депутат Верховного Совета". Вовремя подсказала. На сцене играла черт знает что, но очень хотела выглядеть патриоткой.

— И чем же дело кончилось?

— Пенсию все-таки дали. Я к тому времени уже много раз выступил в газетах, где говорил, что к политике не имею никакого отношения. Я с 88-го года не в компартии и уже не буду ни в какой другой. Считаю, что это чужие игры. Но кому-то не повезло. Одному нашему актеру срезали пятьдесят процентов суммы. И знаете за что? Он когда-то Ленина сыграл! А между прочим, очень хороший актер.

— Теперь вам дают жить спокойно?

— У нас есть одна категория деятелей искусства, которых называют предателями. Многих из них уже нет в живых. Они были в составе делегации, которая якобы просила Сталина о присоединении Литвы к Советскому Союзу. Хотя это была простая формальность — у нас уже стояла Красная Армия. А я что? Я — художник. И в Германии играл, и в Польше, и в Италии. Ну так что ж. Война у нас длилась всего три дня — с 22 по 25 июня. Немцы мимо пронеслись на мотоциклах. Оставили коменданта, который театру работать не мешал. Так что мы как играли, так и играли. Потом, после Сталинградской битвы, немцы хотели забрать нас в наемные войска. Но у них был какой-то своеобразный порядок. Им ничего не стоило расстрелять за один день тысячу человек, но, если по закону им не полагалось забирать в армию насильно, они этого не делали. Но мы после победы боялись, что нас, как многих в России, осудят за то, что мы играли при немецких оккупантах. Однако в Литве, Латвии и Эстонии за это не посадили никого. Мы и для советских солдат играли, когда они пришли. Проблемой тогда считался только голод. Да и то меня, 19-летнего мальчишку, не слишком волновало, поел я сегодня или нет? Кто-то приглашал, угощал. А нет — и не надо.

— А когда советская империя распалась, вас это радовало?

— Я, как литовец, конечно, голосовал за отделение. Ведь наши национальные интересы всегда шли вразрез с интересами Москвы. Поэтому "выходить из состава" надо было обязательно. И я помню, как был шокирован Горбачев на встрече с литовской интеллигенцией, когда весь зал продекларировал: "Хотим жить отдельно".

— Литовское кино сейчас в таком же застое, как и российское?

— У нас, как и у вас, на него не хватает денег. Но радует то, что литовские фильмы еще как-то удаётся возить по свету. Картина "Двор", в которой я снялся, вошла в Каннах во внеконкурсную программу молодого кино, была на фестивалях в Карловых Варах, Мюнхене, Берлине. (В конкурсном показе фильм режиссера Валдаса Навасайтиса "Двор" впервые демонстрировался в Анапе на последнем "Киношоке". — Н.К.)

— Государство в кинопроцессе не участвует?

— Раньше по государственному плану у нас снимали по пять картин в год. Теперь от силы две. Часть средств дает Министерство культуры, остальное приходится доставать самим. Скажем, тот же "Двор" снимался на французские деньги. Из Страсбурга приехал продюсер, посмотрел материал. Понял, что картина недоограя.

— Российские режиссеры вам предлагают сниматься?

— Сейчас нет.

— А если возникнет какой-то проект, как вы думаете, кто будет вашим "голосом" после Александра Демьяненко?

— Даже не знаю. Меня озвучивало много разных актеров, я даже их всех не помню. Демьяненко, конечно, был среди них "номер один". И именно его голос зрители считают моим. Я это знал и ценил. Но виделись мы с Александром редко.

— Говорят, что для режиссеров вы подарок. Ничего не надо объяснять.

— Ну, не знаю. Режиссеры, с которыми я сделал свои самые хорошие фильмы, были очень жестокими. И прежде всего Жалаквичюс. Какой у него был характер?! Ужас! Сильная личность. Он почти никогда не принимал то, что я делал. Говорил: "Нет! Плохо, Донатас!" Но я так был воспитан. В театр пришел в 16 лет. Там такой был режиссер-диктатор. Но разве мы могли с ним спорить? Он моментально ставил на место. Слова поперек не скажешь — уходи из театра, и все. Но именно это нас сформировало. У Тарковского тоже было странное отношение к актерам. Я часто его не понимал. Он почти ничего не объяснял. Обычно перед съемкой режиссер настраивает актеров: "Вот пришел твой

гому. Проще, что ли. А фильм, когда я посмотрел его первый раз, произвел на меня неоднозначное впечатление. Мне понадобилось много лет, чтобы раскрыть загадки Тарковского. И, может, только теперь я понял, что он хотел сказать о подсознании, о природе любви, ненависти. Тарковский как через микроскоп рассматривал человеческую натуру.

— В конце 90-х артист Банионис может сказать, что он востребован?

— Да, но все-таки не так, как в былые годы. Но жаловаться не могу. Меня не забыли. Сейчас предлагают сниматься в одной из западных стран — пока не буду говорить в какой, чтобы не сглазить. Причем это не совместный, а полностью "их" про-

"Гамлет" с Высоцким меня не впечатлил"

— А как же знаменитые любовники "находки"?

— Не буду категоричен, но с Любимовым я согласен не во всем. "Гамлет" с Высоцким меня не впечатлил. Мне показалось, что Любимов своего героя слишком упростил и свел к популярным понятиям. Метафоры Любимова кажутся мне плоскими. При том, что есть очевидная претензия на философскую глубину, на самом деле мне кажется, что за этим ничего нет. Мне демонстрируют то, что я и так понимаю. А мне интересны нюансы актерской игры, как проявляется актерский талант. К сожалению, хорошие актеры теперь — большая редкость.

— В Литве их всего три — вы, Адомайтис и Будрайтис?

— Есть еще несколько, просто вы их не знаете.

— С российскими актерами вы не растеряли дружеских связей?

— Остались некоторые из близких друзей, их меньше, но они есть — Андрей Эшпай, мой сын учился с ним во ВГИКе, Женя Симонова.

— У сына сложилась режиссерская карьера?

— Сейчас он не занимается большим кино. При советской власти успел снять пять полнометражных картин. А теперь на кино нет денег. Поставил несколько спектаклей в театре, снимает документальные телефильмы. Его жена тоже работает на литовском ТВ. У меня был еще один сын. Он умер пять лет назад от рака. Ему было 45 лет. Работал в Академии наук. Уже был доктором исторических наук. И так неожиданно все оборвалось... Его дочке, моей внучке, сейчас 22 года. У другого сына две дочери — одной 10, другой 20 лет — и 12-летний сын. Получается, у меня четверо внуков.

— Дедушка с ними занимается?

— Ой, да... Мы с бабушкой к ним приезжаем, они к нам.

— Ваш брак — долгий и один на всю жизнь?

— В прошлом году мы с супругой Оной сыграли золотую свадьбу.

— "Сыграли"?

— Все как положено. В костеле, со священником. Мы и в сорок восьмом году в костеле женились. Зарегистрировались в загсе, а потом — в костел. У нас так принято.

— И как же проходит эта церемония через 50 лет?

— У алтаря, как в первый раз. Но священник произносит другие слова: "Бог вас объединил, и вы прожили столько лет вместе..." Моя будущая жена пришла в Паневежский театр из гимназии, чуть позже меня, вместе с другими четырьмя девушками, которые потом почти все вышли замуж за актеров. Я приехал из Каунаса, а Она жила в Паневежисе. Ее родители были крестьянами, жили в деревне.

— Вы ведь начинали с ремесла?

— Я закончил четыре курса Каунасской керамической школы. Делал горшки, сервизы, лепил скульптуры. После шестилетки надо было куда-то поступать. И мой отец — сам ремесленник — посчитал, что в гимназии мне делать нечего, да и дорого это стоило. Он сказал, что мне надо тоже овладеть каким-нибудь ремеслом — с ним, мол, никогда не пропадешь. В общем-то так и получилось. Потому что в театр я попал прямо из керамической мастерской. У нас был драмкружок. Мы ставили спектакли на Рождество, Пасху, на другие праздники. И так продолжалось до 39-го года, когда у нас появился режиссер Мильтинис. Он вернулся в Литву из Франции, когда началась война. И ему предложили руководить нашим кружком, а затем и создать театр в Паневежисе. Мильтинис взял нас — десятерых парней — с собой. Из Каунаса мы уехали 15 марта 41-го года. Скажу вам, было страшно. В Паневежисе была совершенно другая жизнь. Маленький городок с населением в 25 тысяч человек. По сравнению с Каунасом — деревня. Я не представлял, как я смогу привыкнуть к этой глуши. Даже думал — может, сбежать, но остался на всю жизнь. Как Робинзон: выбросило на сушу — должен жить.

— А гонимый круг у вас дома есть?

— Нет, что вы. Для ремесла требуется много времени. Где его взять?

— Каждый день строго расписан?

— Почти так. Репетиции начинаются в 11 часов. До театра мне 10 минут ходьбы. Если я не занят в спектакле, делаю что-то по дому, читаю или перевожу с немецкого. Потом учу текст следующей постановки. У меня никогда не бывает перерывов. По утрам читаю, думаю о репликах. Вот такая моя жизнь. Я постоянно в работе.

— Вы не собираетесь издать книжку воспоминаний?

— У меня нет никакого писательского таланта. Даже обидно: прожил такую интересную жизнь, а описать ее не могу.

— Но для этого обычно привлекают редакторов.

— У меня уже вышла одна книжка в 90-м году. Помог один московский журналист. А сейчас, наверно, еще больше можно было бы набрать материала. Даже если только описать, с какими людьми я общался. Не только из мира кино. С Горбачевым, Кастро, например. С Михаилом Сергеевичем в 88-м году мы вместе летали в Нью-Йорк на торжество, устроенное Организацией Объединенных Наций. Вместе с Абуладзе и Захаровым представлял нашу творческую интеллигенцию. К Кастро летал на Кубу. Общался через переводчика. Ну а каких режиссеров я знал! Дружил с Товстоноговым. Какие спектакли я видел. А актеры! Даже в Голливуде однажды побывал. Наблюдал за процессом. Много всего было.

— И собой довольны?

— А кто может быть собой доволен? Только дурак.

Моего некромоула. - 1999. - 16 стр. - с. 2.